

ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РУДН

ПРОТИБОБОРСТВО ЛИБЕРАЛОВ И КОНСЕРВАТОРОВ В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX В.

Е.А. Ларин

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье освещаются основные направления идеологического противоборства консерваторов и либералов в историографии и общественной мысли Латинской Америки XIX в. Особое внимание уделяется политическим лозунгам консерваторов и либералов, их отношению к церкви, а также вопросу о гарантиях индивидуальных свобод и историко-культурным моделям развития латиноамериканского общества.

Ключевые слова: идеологическое противоборство, консерваторы, либералы, историография, общественная мысль.

Идеологическое противоборство консерваторов и либералов являлось центральным направлением латиноамериканской историографии XIX в. Многие видные консервативные деятели являлись в колониальный период крупными землевладельцами, богатыми собственниками, и поэтому их идеалом была сравнительно спокойная, сытная жизнь без потрясений, без сколь-нибудь значимых перемен, во главе с лояльно относившимся к ним вице-королем или генерал-капитаном. Как справедливо заметил один из исследователей мексиканского консерватизма Альберт Л. Мичаелс: «Они стремились установить в Мексике общество, в котором господствовали бы справедливость и порядок и гарантами которого были бы церковь, король, аристократия, общая вера, незыблемость собственности и дисциплинированная армия. Они считали, что Война за независимость нарушила естественный ход событий, и боролись с помощью шпаги, пера и креста, чтобы восстановить его» (1). Под консервативным знаменем готовы были отстаивать свои идеалы священнослужители почти всех рангов, большинство богатых собственников, некогда связанная с колониальной армией офицерская каста, отдельные представители средних слоев.

Либералы разделяли в основном главный лозунг Великой Французской революции — «Свобода, Равенство, Братство!» Частичное осуществление этого лозунга в США определило их благосклонное отношение к этой стране. В проамер-

риканских симпатиях латиноамериканских либералов важное место занимала и успешная во многих отношениях Война за независимость США. В то же время они считали, что достижения суверенитета отнюдь недостаточно. Важно, чтобы все основные элементы нового государства были бы сугубо национальными, чтобы даже церковь не зависела от кого-либо извне, чтобы торжествовала федеральная система управления. Либералы отдавали приоритет интеллигенции, людям науки, составлявшим важную часть их движения. К нему тяготели также ремесленники, студенческая молодежь, отдельные представители консервативного крыла, разочаровавшиеся в практике и принципах этого движения, мелкие собственники.

Противостояние либералов и консерваторов имело общеконтинентальный характер на протяжении всего XIX века. Повсеместно это противоборство нашло отражение в историографии и общественной мысли. В странах, где борьба имела наиболее острый характер, появилась даже собственная терминология для обозначения политических противников. В Колумбии либералов именовали *gólgotas* (производное от голгофы), а консерваторов — *dragonianos* (драконовцы), в Центральной Америке соответственно *fiebres* (лихорадочные) и *serviles* (рабоподобные), в Чили — *piriolos* (крошки) и *relucos* (носители париков), в Уругвае — *blancos* (белые) и *colorados* (буквально — яркокрасный, алый, в повседневной жизни за ними закрепилось прозвище «красные»). В Мексике и либералы и консерваторы выступали под своими собственными именами, хотя либералы там делились на *rigos* (истинные) и *moderados* (умеренные).

Практически на протяжении первой половины XIX в. нельзя говорить о существовании в Латинской Америке политических партий в традиционном понимании этого слова. В основном имела место борьба между лидерами. Она не носила характер противостояния идеологических программ и наиболее принципиальных концепций, а фрагментарно затрагивала те или иные аспекты, отдельные проблемы, разделявшие либералов и консерваторов. Этот своеобразный политический каудильизм (термин Ф. Моралеса Падрона) приводил к появлению, например, сторонников Хуана Мануэля Росаса (росисмо), Дьего Порталеса (порталисмо) и т.д. Как правило, подобного рода «партии» получали звонкие названия: «партия реставрации», «партия возрождения» и т.п., однако радикальная трансформация общества, заявленная в таких названиях, чаще всего сводилась к нулю, так как народу в этих процессах отводилась весьма пассивная роль.

Испанские либералы в соответствии с духом Века Просвещения полагали, что именно просвещение является панацеей от всех зол и что с его помощью можно решить практически все социально-экономические проблемы. На примере мексиканских реалий первой половины XIX в. мы видим, что некоторые либералы, понимая известную относительность этой формулы, тем не менее, считали, что вследствие почти поголовной безграмотности трансформация мексиканской экономики займет огромный период времени. Чтобы ускорить этот процесс, выдвигался довольно радикальный проект о разделе между индейцами всех пустующих земель (*Severo Maldonado Francisco, Contrato de Asociación para la República de los Estados Unidos del Anáhuac. Guadalajara, 1823*). Неожиданно смелой была и идея о том, что законы страны должны гарантировать гражданам удовлетво-

ние их потребностей (Марьяно Отеро). Работы этого автора («*Ensayo sobre el verdadero estado de la cuestión social y política que se agita en la República Mexicana*. — México, 1842»; «*Consideraciones sobre la situación política y social de la República Mexicana en el año de 1847*. — México, 1848») наряду с книгами Лоренсо де Савалы (*Ensayo histórico de las revoluciones de México desde 1808 hasta 1830*. — Paris, 1830) и Хосе Марии Луиса Моры (*México y sus revoluciones*. — Paris, 1838) представляли собой значительное явление мексиканской либеральной мысли первой половины столетия.

Важнейшей проблемой в ожесточенном идеологическом противоборстве между либералами и консерваторами являлось отношение к церкви. Испанские и мексиканские либералы не были ее непримиримыми противниками, больше того, часто искали возможности союза с ней. Такая тенденция во многом объяснялась тем, что, во-первых, среди них практически не было атеистов, а, во-вторых, часть священнослужителей занимала откровенно либеральные позиции. Например, мексиканские священники Сервандо Тереса де Мьер, Мигель Идальго, Хосе Мария Морелос-и-Павон сыграли важнейшую роль в пробуждении национального самосознания. Один из первых влиятельных мексиканских либералов Хосе Хоакин Фернандес де Лисарди писал в декабре 1813 г. на страницах издаваемого им журнала «Эль Пенсатор мекхикано», ставшего органом мексиканской либеральной мысли: «Моя апология обращена ко всей католической церкви. В этой связи я заявляю, что священники всегда были и будут достойны уважения всех верующих. Лучшим из них надо воздавать честь и почитать их, худших — исправлять и сочувствовать им, но не презирать» (2). В то же время либералы критиковали церковь за чрезмерное обогащение, ревностное служение монархии и ущемление свободы совести, особенно инквизицией.

Одним из главных направлений в борьбе мексиканских либералов была борьба за ликвидацию ограничений в сфере волеизъявления народа — за свободу думать, говорить и писать. Первый номер журнала «Эль Пенсатор мекхикано» открывался статьей Фернандеса де Лисарди «О свободе печати», в которой он называл печать «самым тираническим рабством» (3). Последующее чтение статьи показывает, что кажущаяся на первый взгляд беспредельная непримиримость автора имеет свои границы: «Думающий человек, лишенный возможности опубликовать в прессе свои идеи, — писал он, — интеллектуальный немой... однако я отнюдь не аплодирую абсолютной свободе прессы, я сторонник определенной свободы прессы. Я не хочу, чтобы любой желающий мог бы поносить в печати религию и публиковать пасквилы о правительстве» (4).

«Эль Пенсатор мекхикано» — заря мексиканского либерализма. Естественно, что с течением времени и изменением обстоятельств, с переходом от колониального статуса к независимому государству, с появлением сложнейших общенациональных проблем в социально-экономической, политической и культурной сферах, а также в международных отношениях либерализм менял свои приоритеты и обретал отдельные специфические черты.

Важной и трудноразрешимой проблемой для всего латиноамериканского либерализма был вопрос о гарантиях индивидуальных свобод. Всеобщее прямое

и тайное голосование являлось недостижимой мечтой, пока в законодательстве имелись многочисленные образовательные и имущественные цензы, пока существовал институт рабства, отменявшийся в основном в три этапа: 20-е гг. XIX в. — страны Центральной Америки и Мексика, 50-е гг. — бóльшая часть латиноамериканских стран, 80-е гг. — Куба и Бразилия. Огромная диспропорция в доходах олигархических групп и абсолютного большинства населения стран Латинской Америки свидетельствовала о том, что демократические преобразования самым непосредственным образом должны быть связаны с глубокими радикальными реформами в социально-экономической сфере. В этой связи большой интерес представляют оценки и позиции либералов Новой Гранады.

В 1848 г. там увидела свет программа Либеральной партии, написанная Эксикиелем Рохасом. В ней представлены ее основные принципы, состоявшие в том, чтобы: «...правительство действовало в интересах управляемых им граждан, чтобы республика соответствовала системе представительной демократии, чтобы конгресс был независимым, исполнительная власть осуществляла только то, что предусмотрено законами... а судебная — ни от кого бы не зависела. Политика исполнительной власти должна быть исключительно национальной и солидарной с другими странами континента, беспристрастной по отношению ко всем гражданам страны; в ее актах во главу угла должна быть поставлена только общественная польза. Все это направлено на то, чтобы те, кто подчинены правительству, не стали бы его рабами, чтобы царила подлинная свобода, чтобы мы могли избежать появления теократического правительства, чтобы новогранадцы были бы уверены в неприкосновенности личности и сохранении собственности, чтобы гарантии не стали бы фальшивыми обещаниями» (5).

Естественно, что в этой программе не обойден вопрос о религии: «Либеральная партия, — отмечал Э. Рохас, — считает, что религия не может использоваться как средство управления. И религия, и властные структуры должны вращаться только на своих орбитах, так как они имеют различные цели и задачи. Использовать религию и ее служителей как средство для подавления воли тех, кто вершит повседневные дела, значит ужесточить ее, лишить своей сущности, не позволить реализовать то предназначение, ради которого она была создана божественным основателем» (6).

В развитии колумбийского либерализма важное место занимал Мануэль Мурильо Торо (1815—1880), бывший президентом страны в 1864—1866 и 1872—1874 гг. В 50-е гг. большой резонанс в обществе имело его открытое письмо известному колумбийскому либералу Мигелю Самперу, опубликованное 15 октября 1853 г. в газете «Эль Неогранадино». Сампер был сторонником либеральных принципов, провозглашенных Жаном Батистой Сеем, в основе которых лежала идеализация капиталистического общества. Французский экономист считал его гармонично развивающимся, лишенным пороков и кризисов, отмечая при этом, что оно будет таковым в том случае, если у капитала и промышленников будет «свобода рук», если они не будут ограничены в этой самой свободе.

Письмо Мурильо Торо было написано с радикально-демократических позиций. Особое внимание уделено вопросу о земле, который автор называет важнейшим

элементом прогресса. По его мнению, оптимальным для страны является равное разделение земельных наделов среди всех членов новогранадского общества. Понимая известную утопичность этой идеи, Мурильо Торо предлагает ввести ограничение владением земель в определенных пределах, так как «каждый клочок земли эквивалентен аналогичной части суверенитета».

Не менее радикален и его взгляд на собственность вообще: «...необходимо абсолютное признание только той собственности, которая является продуктом труда данного гражданина». В то же время он считал, что нельзя признавать чье-либо собственностью то, что «бесплатно даровано природой», например, полезные ископаемые, леса, водоемы.

Мигель Мурильо Торо заявил о своем категорическом неприятии концепции «свободных рук», которая «позволяет воровать, угнетать и даже увековечить рабство или эксплуатацию человека человеком». «Люди объединены в общество, — подчеркивал он, — не как волки и овцы, а для того, чтобы общество защищало их. Реализация этой цели должна предполагать точное и равное распределение свобод и интересов» (7). Критическое, непримиримое отношение к действительности М. Мурильо Торо позволило его политическим противникам занести его в список «социалистов», которым он в сущности не был.

Деятнадцатый век явил немало примеров политической мимикрии, попыток консерваторов частично использовать либеральную риторику для достижения своих целей и аналогичные превращения некоторых либералов ради выполнения тех или иных конъюнктурных задач. Весьма своеобразно эти процессы осуществлялись в Венесуэле. Либерал Сантос Мичелена, проучившись несколько лет в Англии и став еще более радикальным в воззрениях, по возвращению на родину вынужден был объявить себя консерватором, что позволило ему открыто пропагандировать свои «крамольные» идеи. Та же метаморфоза произошла и с утопистом-социалистом Фермином Торо. В свою очередь, венесуэльские консерваторы активно использовали либеральную аргументацию при решении вопросов о Контроле над недвижимостью церкви, в вопросах о европейской иммиграции и о создании первого Национального банка, занимая в то же время сугубо консервативные позиции по всем другим проблемам экономического и политического спектра.

Целый ряд современных авторов (Беатрис Гонсалес Стефан, О. Диас де Арсе, Т. Галперин Донхи) справедливо подчеркивают, что к 50—60 гг. XIX в. идеологические формулы и принципы консерваторов теряют свою действенность. Старые традиции и порядки, до того времени с разной долей успеха защищавшиеся латифундистской олигархией и церковной иерархией, постепенно уступают место симбиозу идей, складывавшемуся на основе социально-экономических и политических ценностей либералов, подверженных влиянию консерватизма, и консерваторов, переходивших на либеральные позиции. Специфика этого процесса состояла в том, что консерваторы стремились к модернизации ради того, чтобы сохранить все свои «завоевания» колониального периода, объединяясь при этом с либералами, обретавшими все больший вес в обществе, а либералы искали союз

с консерваторами, владевшими основными средствами производства, ради дальнейшего укрепления своих позиций (8).

Сложившийся в результате этих комбинаций гибрид имел место в ряде стран Латинской Америки. В некоторых государствах (например, в Чили и Бразилии в 1850—1870 гг.) сформировались группы так называемой национальной, либеральной и консервативной олигархии. Причем первыми назывались олигархии, имевшие определенную опору в том или ином регионе. Образно говоря, они могли выступать под любым идеологическим флагом. Все эти нюансы нашли отражение не только в экономической, политической и социальных сферах, но и в историографии и общественной мысли.

Сложившаяся в колониальную эпоху историко-культурная модель латиноамериканских консерваторов в первые десятилетия независимого развития не претерпела серьезных изменений. Они продолжали восхвалять колониальное прошлое, ставя во главу угла достижения «матери-родины» во всех сферах и по-прежнему делая упор на монархию как идеальную форму правления. «Семантико-идеологическая матрица дискурса консерваторов в работах по истории, — отмечает Б. Гонсалес Стефан, — выглядела следующим образом: индейская раса — дефективность, американские испанцы — креолы — ослабление испанской расы, все народное — посредственность — не национальное» (9).

Согласно консервативной концепции латиноамериканской истории, гибель доколумбовых цивилизаций означает исчезновение с исторической сцены не только их самих, но и связанных с ними традиций. Принимая этот постулат за аксиому, консервативные идеологи утверждают, что с конца XV в. именно колониальная история Испанской Америки и Бразилии порождает истинные традиции. Отсюда новая матрица: «испанская раса — жизнеутверждение — мужество — благородство — колония — великолепие» (10).

Сторонники консервативного течения, следуя догмам испанской схоластики, отдельным положениям гегелевской философии истории о «неисторических народах» и точке зрения на то, что индейцы и африканцы являлись якобы рабами от рождения, придерживались и другой крайности, полагая, что в силу всего этого «варвары» не могли создать высоких образцов культуры и искусства. Даже такой глубокий мыслитель, как А. Бельо, хотя и высоко отзывался о «гордом индейце» доколумбовой эпохи, тем не менее, считал, что в целом коренные народы Нового Света не внесли сколько-нибудь серьезного вклада в историю и культуру Американского континента. Подобный вывод заставлял консервативных авторов искать примеры для подражания прежде всего в европейской историографии.

Обобщенный исторический портрет колониальной эпохи, созданный консервативной историографией, выглядит примерно следующим образом: исключительно высокий уровень развития колоний, отсутствие даже какого-либо намека на кризисные периоды в самой метрополии. Вне поля зрения остаются такие ключевые проблемы, как эксплуатация коренного населения, его социально-экономические проблемы, народные движения, инквизиция, уничтожение многих

достижений индейских культур. Вот, например, в каких идиллических тонах описывал Перу конца XVIII — начала XIX вв. перуанский писатель и автор ряда работ исторического характера Хосе Мануэль Вальдес-и-Паласьос (1767—1843): «Перу накануне Войны за независимость обладало огромными богатствами... Эта роскошь тех спокойных дней в абсолютной мере сказалась и на всех институтах общественной жизни... Золотая и серебряная монета циркулировали по всей стране... Радость, душевное спокойствие и хорошее настроение были производными этого изобилия» (11).

ЛИБЕРАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ

Отношение к историко-культурному наследию индейцев Нового Света имело своеобразное преломление в либеральном мышлении. Признавая культуру аборигенов историческим явлением, авторы этого направления утверждали, что она имела значение только в пределах тех временных рамок, в которых развивались доколумбовы цивилизации. По существу, взгляды либералов и консерваторов в этом вопросе во многом совпадали и отличались лишь отдельными нюансами. Бесспорный тезис аргентинского мыслителя Х. Баутисты Альберди о том, что культура развивается одновременно со всеми остальными элементами цивилизации, в последующей далее дедуктивной части оказался фатальным для всего историко-культурного наследия индейцев. Вместе с гибелью индейских цивилизаций, на его взгляд, оставались в прошлом и все достижения этих народов, т.к. новый виток латиноамериканской цивилизации XIX в. требовал и новой культуры, культуры эпохи «железных дорог и пароходных маршрутов». Подобного рода оценки имели место и в либеральной идеологии других стран. Например, в Мексике, где наряду с Перу сохранилось наибольшее влияние индейских культур, некоторые историки этого направления считали, что индейское наследие тормозит процесс модернизации страны.

Модернизация стояла на повестке дня всех государств Латинской Америки. Ее наиболее привлекательные варианты либералы находили в Англии, США, Франции. Естественно, что Испания в этом отношении была явным аутсайдером, что еще более усиливало либеральную испанофобию. Подводя черту под значением индейских цивилизаций на рубеже XV—XVI вв. и практически перечеркивая всю колониальную историю, либеральная историография и общественная мысль XIX в. тем не менее признавала в работах своих наиболее ярких представителей колониальный период как формально необходимый и исторически неизбежный для воссоздания целостной истории латиноамериканских народов. Современная венесуэльская исследовательница Беатрис Гонсалес Стефан в упомянутой выше работе подчеркивает, что данное признание не в последнюю очередь делалось и для того, чтобы подтвердить «законное» родство латиноамериканцев с западной цивилизацией. Такие расчеты, безусловно, имели место. Ориентируясь на историографию и общественную мысль Европы и США, латиноамериканские интеллектуалы вместе с тем выступали категорически против рабского подражания им.

При анализе попыток либералов создать целостную концепцию латиноамериканской истории нельзя не обратить внимание на парадоксальную ситуацию: либеральная историография пыталась ограничить влияние европоцентристских схем мировой истории, создать собственную общеконтинентальную идеологию американизма и при этом фактически отказывалась от признания автохтонных корней своей истории и многих аспектов историко-культурного колониального наследия. Правда, и эта, в целом доминирующая тенденция, имела исключения. В Колумбии, Венесуэле, Чили, в странах, где индейская культура была менее развита, нежели в ареале распространения мезоамериканских цивилизаций и цивилизации инков, где и либералы, и консерваторы могли «аргументировано доказать», что их предки испытали определяющее влияние прежде всего европейской культуры, там имело место более уважительное отношение к достижениям индейцев во всех сферах, и прежде всего к оригинальным образцам индейских литератур.

Вместе с тем думается, что едва ли не главной причиной подобного рода исключений, из сложившихся в либеральной историографии XIX в. тенденций, которые коснулись и Мексики, явилось появление в предыдущем столетии довольно серьезных работ в самих колониях... Например, в Новой Испании в этой связи следует назвать труд Франсиско Хавьера Клавихеро (1731—1787) «Древняя история Мексики», увидевший свет в 1780 г. Весь пафос этой книги направлен на опровержение нелепых по своей сути концепций о неполноценности индейцев и их умственной отсталости, на раскрытие их вклада в многовековую историю страны. Трудно переоценить и значение публикаций итальянского археолога Лоренцо Ботурини (1702—1751), натурализовавшегося в Испании, проведшего 8 лет в Новой Испании и осуществившего там многочисленные, чрезвычайно важные для понимания прошлого Мексики раскопки, открывшие многим глаза на величие ее древних цивилизаций.

Во многих работах латиноамериканских либералов XIX в. колониальный период квалифицировался как «культурный вакуум», порожденный «деспотизмом», «отсталостью», «угнетением». Либеральная историография, как наследница и продолжательница «черной легенды» в латиноамериканской и испанской историографии, суть которой выражалась и выражается до сих пор в том, что миссия Испании в Новом Свете сводилась якобы только к тому, чтобы грабить, уничтожать и разорять, абсолютизировала эту формулу. В результате, на страницах ее книг был создан антипод образа процветающих колоний, характерного для консервативной историографии. Помещая заморские колонии Мадрида в атмосферу перманентного состояния отсталости и невежества, либеральные авторы, видимо, забыли о том, что к концу XVIII в. в Испанской Америке креолы составляли 20% населения колоний и что ради них и в какой степени в интересах индейской знати распахивали свои двери и театры, и библиотеки, и 24 университета, основанные Испанией в Новом Свете в XVI — начале XIX вв.

Либералы попытались провести ревизию всего того, что было издано в колониальную эпоху в заокеанских владениях «матери-родины». При этом они созна-

тельно замалчивали работы на латинском языке, выделяли труды, критически относившиеся к схоластике и воздававшие должное рационализму, большое внимание уделяли публикациям по географии, по проблемам этнологии и истории. Особый интерес проявлялся к письмам, памфлетам, воззваниям иезуитов после запрещения ордена в Новом Свете, сыгравшим важную роль в формировании идеологии независимости в испанских колониях.

Консервативная и либеральная модели латиноамериканской истории наиболее контрастно проявляются в отношении к такой категории философии истории, как «прогресс». Восхваляя колониальный период, считая Войну за независимость явлением, нарушившим общественный порядок и последовательное течение жизни, консервативные авторы делают однозначный вывод в отношении периода независимого развития, квалифицируя его как эпоху упадка. В свою очередь, либеральные историки, при всех своих сомнениях в отношении значения индейского наследия в области культуры, иногда отдавали ему должное, называли его определенным этапом в историко-культурной эволюции континента, этапом, пострадавшим от «колониального обскурантизма» и вновь обретшим историческую динамику в годы становления независимых государств.

В середине XX в. один из крупнейших латиноамериканских мыслителей этого столетия Марьяно Пикон Салас писал: «Испано-американская историография, возникшая после Войны за независимость, почти вплоть до наших дней не смогла избавиться от целого ряда предубеждений. Прежде всего, это касается иллюзий многих авторов о том, что История родилась вместе с ними, и стоило только им назвать освободившиеся колонии: «Республика Венесуэла», «Республика Перу» или «Республика Чили», как сразу же возникало совершенно новое явление, настолько новое, что для того, чтобы связать его с прошлым, необходимо было прыгнуть через огромную пропасть, да и то вряд ли можно было спасти идею континенталитета» (12). Венесуэльский мыслитель считал, что история в то время скорее определялась политическим колоритом улицы и либералы замуrowали ее стеной полного отрицания и презрения к колониальному периоду, а консерваторы, и среди них даже такой талант, как Лукас Аламан, считали, что все зло начинается с появления республики.

Огромная роль, которую играли либералы в Войне за независимость Испанской Америки, казалось бы, должна была способствовать укреплению позиций либерализма как идейно-политического течения, однако он испытал длительные периоды взлетов и падений. Причин этой нестабильности было несколько. Главная состояла в том, что либерализм еще не сложился как единое течение, был фрагментарен и даже противоречив в интерпретации различных идеологов и политических деятелей. Кроме того, либералы не обладали серьезной материальной основой, которая позволяла бы им осуществить свои концепции в социально-экономической сфере. Влиятельнейшие субъекты общества — армия, церковь, крупные собственники — в основном придерживались консервативных взглядов, поэтому борьба в этих сферах приобрела острейший характер практически во всех латиноамериканских странах и в XIX, и в XX вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Historia mexicana*. — 1968. — № 2. — P. 214.
- (2) Joaquín Fernández de Lizardi J. *El Pensador mexicano*. — México, 1813. — Т. 2. — № 15. — P. 139.
- (3) *El Pensador mexicano* // *Op. Cit.* — 1812. — № 1. — P. 3.
- (4) *Ibid.* — P. 3, 4.
- (5) *Antología del pensamiento liberal colombiano*. — Medellín, 1981. — P. 98.
- (6) *Ibid.* — P. 96—97.
- (7) *Antología del pensamiento liberal colombiano*. — *Op. cit.* — P. 156—157.
- (8) См. *González Stefan B.* *La historiografía literaria del liberalismo hispanoamericano del siglo XIX*. — La Habana, 1987. — P. 37—38.
- (9) *González Stefan B.* — *Op. cit.* — P. 211.
- (10) *Ibid.* — P. 212.
- (11) *Cit.: González Stefan B.* — *Op. cit.* — P. 216—217.
- (12) *Picón-Salas M.* *De la Conquista a la Independencia*. — México, 1975. — P. 17, 18.

**THE COUNTERACTION OF CONSERVATIVES
AND LIBERALS IN THE IBERO-AMERICAN
HISTORIOGRAPHY OF XIX TH CENTURY**

E.A. Larin

World History Chair

Peoples' Friendship University of Russia

Mikluho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

This article concerns the major trends of the ideological counteraction of the Conservatives and the Liberals in the historiography and the public opinion of the Ibero-America in the XIXth century. The author draws attention to the political platforms of the Liberals and the Conservatives, their attitude to the church, individual rights of the people, and the cultural and historical concepts of the future development of Ibero-America.

Key words: Ideological counteraction, the Conservatives, the Liberals, historiography, the public opinion.